

Большая игра: Сталин и Черчилль в начале Второй мировой войны

О. А. Ржешевский*

Довольно распространенный тезис о том, что антигитлеровская коалиция «The Grand Alliance» возникла как бы в одночасье после нападения Германии на СССР, заявлений У. Черчилля (22 июня 1941 г.) и Ф. Рузвельта (24 июня 1941 г.) о поддержке Великобританией и США борьбы СССР против нацистского нашествия требует существенной корректировки.

Прежде всего отметим, что образование в XX веке коалиций, противостоящих агрессивной политике Германии, относится к началу века. В 1904–1907 гг. оформились в военно-политический союз (Антанту) Англия, Франция и Россия. В ходе Первой мировой войны этот союз объединил против германской коалиции более 20 государств (среди них США, Италия, Япония) и силой принудил агрессоров к капитуляции. В конце августа 1939 г. после неудачи англо-франко-советских переговоров об объединении сил для борьбы с надвигающейся немецкой агрессией возникла коалиция Англии, Франции и Польши. Советско-германский договор о ненападении (23 августа 1939 г.), нейтралитет СССР в разразившейся 1 сентября 1939 г. Второй мировой войне, советско-германский договор о дружбе и границе (28 сентября 1939 г.), казалось, не оставляли и отдаленной перспективы создания военно-политического союза СССР, Великобритании и США. Найденные отечественными историками в последние годы архивные документы понемногу открывают картину поиска «невозможного». В предлагаемом чита-

телям документальном очерке рассматривается период от первых контактов в этом направлении между Черчиллем и Сталиным в октябре 1939 г. до нападения Германии на СССР.

Напомним обстановку в Европе, которая сложилась к октябрю 1939 г. Польша была разгромлена вермахтом за две недели. Германские войска вплотную подошли к советским границам (в то время демаркационной линии), и только вмешательство Гитлера воспрепятствовало командованию вермахта «продолжить наступление на Восток»¹. Не только в Лондоне и Париже, но и в Москве ближайшее будущее в войне виделось как противостояние на западном фронте, в море и в воздухе, успех которого определит экономическая блокада Германии, боевые действия и усилия дипломатии воюющих сторон. Поражение Франции и разгром сил англо-французской коалиции на европейском континенте не прогнозировались.

Тем не менее для англо-французского и советского руководства демонстрация мощи Германии в войне с Польшей и решимость нацистского руководства осуществить свои захватнические цели были очевидны. Исторически сложилось так, что первые шаги на пути объединения сил СССР, Великобритании и США в борьбе с агрессорами предстояло сделать Сталину и Черчиллю. Инициативу проявил У. Черчилль — территория Великобритании и её имперских владений подвергались наибольшей военной опасности.

1 октября 1939 г. У. Черчилль, в то время первый лорд адмиралтейства (военно-морской министр), выступая по радио сделал важное

* **Олег Александрович Ржешевский** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

заявление: «То, что русские армии должны были находиться на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России. Во всяком случае, позиции заняты и создан Восточный фронт, на который Германия не осмеливается напасть». 6 октября он пригласил советского посла И. Майского. По итогам встречи Майский сделал следующую неформальную запись в своем опубликованном в 2009 г. дневнике:

«6 октября Секретарь Черчилля позвонил по телефону и просил меня приехать к нему в адмиралтейство в 10 час[ов] вечера. Не совсем обычный час для приема послов в Англии, но ведь сейчас время необычное, да и человек, приглашающий меня, тоже не совсем обычный человек!

Ночь сегодня темная, туманная. На небе низкие, мрачные облака. На улицах хоть глаз выколи. Не без труда добрался я до «Horse Parade», где находится Адмиралтейство. Машина то и дел[о] должна была останавливаться и искать путь. Приехали. Знакомая площадь кажется незнакомой. Клубится туман. Из тумана мрачно подымается, точно какая-то сказочная крепость, здание Адмиралтейства. Нигде ни огня, ни человека. Я долго стучал и звонил в разные двери и ворота, — мне отвечало только молчание. Что они там, заснули? Или все это огромное учреждение, управляющее 24 час[а] в сутки движениями британского флота во всех концах земли, вымерло?.. Я начинал уже терять терпение. Наконец, в длинной арке ворот показался бледный луч света, а за ним показался и сам заспанный сторож. Я объяснил, в чем дело. Спустя несколько минут я уже сидел в кабинете «первого лорда Адмиралтейства» (военно-морского министра. — *О. Р.*).

Черчилль встретил меня приветливой улыбкой. На столе у него стояла бутылка виски и содовая вода. На стенах была коллекция самых разнообразных карт самых разнообразных частей мира с густо нанесенными линиями морских путей. С потолка свешивалась лампа с широким темным абажуром, дававшая очень приятный мягкий свет. Черчилль кивнул на лампу и, наливая виски с содой, удовлетворенно сказал:

— Эта лампа висела здесь 25 лет назад, когда я первый раз был морским министром. Потом ее сняли. Сейчас ее вновь повесили.

Как это по-английски!

Потом Черчилль подвел меня к какой-то широкой двустворчатой дверце в стене, распахнул ее, и в глубокой нише я увидел карту Европы с наколотыми в разных местах старыми, полинявшими флажками:

— Это карта движений германского военного флота во время прошлой войны. Каждое утро в соответствии с данными морской разведки флажки перекальвались, так что в каждый данный момент мы знали, где находится то или иное немецкое судно. Я заказал эту карту 25 лет назад. Она сохранилась. Теперь она опять пригодится. Надо только освежить флажки.

Я с улыбкой посмотрел на Черчилля и сказал:

— Итак, история повторяется!

— Да, повторяется, и я готов был бы философствовать по поводу своеобразной романтики моего возвращения в этот кабинет с перерывом в четверть века, если бы речь шла не о такой дьявольской работе, как разрушение судов и человеческих жизней.

Мы вернулись к настоящему, и я спросил:

— Что вы думаете о мирных предложениях Гитлера? Черчилль вскочил с места и порывисто заходил по кабинету.

— Я только что с ними ознакомился и еще не имел возможности обменяться мнениями с моими коллегами по кабинету. Лично я считаю их абсолютно неприемлемыми. Ведь это же условия завоевателя! Но мы еще не завоеваны! Нет, нет, мы еще не завоеваны!

И Черчилль вновь с раздражением забегал из угла в угол.

— Некоторые из моих консервативных друзей, — продолжал Черчилль, — рекомендуют мир. Они боятся, что в ходе войны Германия станет большевистской. Но я стою за войну до конца. Гитлер должен быть уничтожен. Нацизм должен быть сокрушен раз [и] навсегда. Пускай Германия становится большевистской. Это меня не пугает. Лучше коммунизм, чем нацизм.

Впрочем, все это была лишь присказка. Сказка, из-за которой Черчилль пригласил меня к себе в столь поздний час, сводилась к желанию поговорить со мной о состоянии англо-советских отношений.

Черчилль спросил меня, как мы определяем характер этих отношений в настоящий момент. В ответ я повторил ему то, что 27 сентября сказал Галифаксу. Черчилль внимательно меня выслушал и затем в течение почти часовой беседы излагал взгляд британцев на вопрос об англо-советских отношениях. В основном этот взгляд сводится к следующему.

Англо-советские отношения всегда были отравлены ядом взаимных подозрений, а сейчас больше, чем когда бы то ни было раньше. Каковы эти подозрения? Англия подозревает

СССР в том, что он заключил военный союз с Германией и в один прекрасный день выступит открыто против западных держав на стороне Гитлера. Лично Черчилль в это не верит, но многие (в том числе и в правительственных кругах) в это верят. Данное обстоятельство, конечно, не может не отражаться на общем тоне отношений Англии к СССР. С другой стороны, СССР подзревает Англию в том, что она ведет против него враждебную политику и устраивает против него всякие махинации в Прибалтике, в Турции, на Балканах и т. д. Данное обстоятельство тоже не может не отражаться на тоне отношений СССР к Англии. Черчиллю понятно, почему наши подозрения особенно обострены в настоящий момент. Англо-франко-советские переговоры о пакте велись отвратительно (мне известно его мнение на этот счет), и, конечно, они оставили в сознании и памяти Москвы плохие воспоминания. Однако пусть мертвые хоронят мертвых. Важнее, чем прошлое, — настоящее и будущее. И вот об этом-то настоящем и будущем Черчилль и хочет говорить.

Его исходная точка — это то, что основные интересы Англии и СССР нигде не сталкиваются. Мне известно, что так он думал раньше, так он думает и сейчас. Стало быть, нет причин для плохих или неудовлетворительных между ними отношений.

В самом деле, каково положение сейчас?

В результате событий последних недель восток и юго-восток Европы оказались вне зоны войны — хорошо это или плохо с точки зрения правильно понятых британских интересов? Хорошо. И потому в данном вопросе интересы обеих сторон не сталкиваются, а скорее совпадают. Пусть нас не смущают критика и раздражение, которыми советско-германский пакт о ненападении и последующие шаги совпра были встречены в Англии вначале. Это был результат неожиданности. Но первый шок сейчас прошел, и люди начинают видеть вещи в более правильной перспективе.

Далее, Прибалтика. СССР становится хозяином восточной части Балтийского моря. Хорошо это или плохо с точки зрения британских интересов? Хорошо. Правда, кое-кто из лейбористско-либеральных сентименталистов проливают слезы по поводу «русского протектората» над Эстонией или Латвией, но к этому нельзя относиться серьезно. По существу же, последние действия совпра в Прибалтике соответствуют интересам Англии, ибо они сокра-

щают возможный «лебенсraum»² Гитлера. Если балтийские страны должны потерять свою самостоятельность, то лучше, чтобы они включались в советскую, а не в германскую государственную систему. К тому же включение этих стран в орбиту СССР соответствует тенденциям истории и географии, а стало быть, стабилизации и миру в Восточной Европе.

Наконец, Балканы и Черное море. Черчилль подошел к большой карте Европы и размашисто провел пальцем черту, проходящую примерно по линии новой советско-германской границы, северу Румынии и Югославии. Потом он воскликнул:

— Дальше Германию пускать нельзя! Особенно же важно не пускать Германию к Черному морю.

И Черчилль со страстью стал доказывать, что если Германия выйдет из устья Дуная, то она не только захватит Балканы, но неизбежно потянется также к Малой Азии, Ирану, Индии. Она захочет владеть Украиной и Баку. Этого не могут допустить ни Англия, ни СССР. Стало быть, и тут их интересы не сталкиваются, а совпадают. Совпра сильно ошибается, если думает, что Англия интригует против него в Турции и на Балканах. Англия заинтересована только в одном: не пустить Германию к Черному морю. Отсюда вытекает ее балканская политика, ее дружба с Турцией, ее желание иметь возможность в случае крайности послать свой флот через проливы. Но если бы СССР один или СССР совместно с Турцией закрыл подступы к Черному морю для Германии, Англия могла бы свернуть свою балканскую политику и отказаться от права прохода через проливы. У Англии достаточно хлопот в других частях мира.

Какой же из всего вышесказанного вывод?

Вывод тот, что и в настоящий момент, как и раньше, основные интересы Англии и СССР не сталкиваются, а совпадают. Стало быть, есть база для добрых отношений между обеими странами. Бритпра принимает наше заявление о нейтралитете как положительный факт и только хотело бы, чтобы это был дружественный нейтралитет.

Я спросил, разделяет ли кабинет те мысли, которые Черчилль только что развивал предомной? Я ведь не мог забыть, что еще совсем недавно Черчилль находился в жестокой оппозиции к бритпра, в частности к Чемберлену. Черчилль ответил:

— Конечно, кабинет не отвечает за каждый нюанс моих высказываний, но в основном

и существенном то, что я вам сказал, отражает взгляды всего правительства.

Черчилль стал расспрашивать меня, как можно было бы улучшить отношения между обеими странами? Не могу ли я порекомендовать каких-либо полезных шагов, мер и т. п.?

Я уклонился, однако, от подачи советов. Сам же Черчилль считал, что, пожалуй, лучшим способом для смягчения напряжения могло бы быть развертывание торговых операций. Потом, как бы суммируя свои мысли, он с лукавой улыбкой заметил:

— Сталин сейчас играет большую игру и играет ее счастливо. Он может быть доволен. Но я не вижу, почему мы должны быть недовольны?

Распрощались мы с Черчиллем «по-дружески». Он просил меня поддерживать с ним тесный контакт и обращаться без стеснения в случае надобности. Запомним это на будущее.

Возвращаясь домой по темным, насупленным улицам, я невольно задавался вопросом: почему этот ответственный разговор со мной вел Черчилль, а не Галифакс?

Нахожу для этого два объяснения: 1) руководящая роль, кот[орую] Черчилль все более завоевывает в кабинете, и 2) крайнее раздражение Галифакса против СССР со времени советско-германского пакта, делающее его неподходящим каналом для улучшения а/с отношений. Мне известно, что Галифакс долго сопротивлялся, прежде чем пригласить меня к себе 23 сентября. Только сильный нажим со стороны кабинета заставил его это сделать»³.

21 февраля 1940 г. нарком иностранных дел В. Молотов направил указание И. Майскому (оно «адресовано» и современным фальсификаторам истории России) следующим образом разъяснить английскому правительству политику СССР в отношении Германии: «Первое. Мы считаем смешным и оскорбительным для нас не только утверждение, но даже просто предположение, что СССР будто бы вступил в военный союз с Германией. Второе. Хозяйственный договор с Германией есть лишь договор о товарообороте, по которому вывоз из СССР в Германию достигает всего 500 млн. марок, причем договор экономически выгоден СССР, так как СССР получает от Германии большое количество станков и оборудования, равно как изрядное количество вооружения, в продаже чего нам неизменно отказывали как в Англии, так и во Франции. Третье. Как был СССР нейтральным, так он и остается нейтральным, если,

конечно, Англия и Франция не нападут на СССР и не заставят взяться за оружие. Упорно распространяемые слухи о военном союзе СССР с Германией подогреваются не только некоторыми элементами в самой Германии, чтобы запутать Англию и Францию, но и некоторыми агентами самой Англии и Франции, желающими использовать воображаемый „переход СССР в лагерь Германии“ для своих особых целей в области внутренней политики»⁴.

Вынужденная война СССР с Финляндией (30.11.1939 — 12.03.1940 гг.) прервала наметившуюся тенденцию к англо-советскому сближению и едва ни привела к опаснейшему для нашей страны развитию событий. СССР был исключен из Лиги Наций. США ввели «моральное эмбарго», фактический запрет на торговлю с СССР. Черчилль, в то время военно-морской министр, отметил в своих мемуарах: «Я горячо сочувствовал финнам и поддерживал все предложения, направленные им на пользу»⁵. На СССР обрушилась волна осуждения и угроз. Как писал французский журналист А. Кериллис, «дух крестового похода повеял отовсюду... Раздавался один только клич: „Война России!“ Те, кто требовал полной неподвижности за линией Мажино, теперь умоляли послать армию сражаться к Северному полюсу...»⁶. Гитлеровское руководство поддерживало эту кампанию как фактор, отвлекающий внимание западных союзников от предстоящего наступления вермахта. Важной составной частью этой пропагандистской кампании были проекты одновременного достижения мира с Германией, распространяемые германскими агентами. «Мир был бы заключен за счет России, против которой сразу же после перемирия выступил бы вермахт, — вспоминал французский дипломат Ж. Барду, — Англия получила бы Туркестан. Границы Ирана и Турции оказались бы отодвинутыми до Каспийского моря. Италия имела бы долю участия в нефти, а Германия аннексировала бы Украину»⁷.

Некоторые западные историки относят такого рода планы к напрасным воображениям союзных лидеров, «которые пребывали в мире иллюзий до тех пор, пока их не привело в чувство наступление Гитлера»⁸. Иллюзии действительно были, но не только.

Комитет начальников штабов Великобритании неоднократно рассматривал вопрос о положительных и отрицательных сторонах объявления войны России. В одном из документов Комитета указывалось, что «в России имеются

три центра добычи нефти: Баку, Грозный и Майкоп. Если уничтожить русские нефтепромыслы (а все они представляют собой разработки фонтанирующего типа и поэтому могут быть легко разрушены), нефти лишится не только Россия, но и любой союзник России, который надеется получить её у этой страны»⁹. На бомбардировку Баку отводили 15 дней, Грозного — 12, Батуми — 3. В конце декабря начальник имперского генерального штаба генерал У. Айронсайд записал в своем дневнике: «Я думаю, что перед нами открылась возможность повернуть все против русских и немцев. Но мы должны играть в наши карты очень осторожно и быть в состоянии действовать внезапно»¹⁰. Строительство аэродромов и подготовку самолетов предполагалось завершить к концу июня — началу июля 1940 г. Советское предложение Великобритании выступить посредником на советско-финляндских переговорах о заключении мира британское правительство отклонило.

5 февраля 1940 г. Верховный военный совет союзников принял решение направить в Финляндию англо-французский экспедиционный корпус. Предполагалось, что его численность составит 150 тыс. чел. (100 тыс. предоставляла Великобритания, 50 тыс. — Франция). Эмигрантское правительство Польши готовилось направить в Финляндию бригаду своих войск. Политическая ситуация складывалась для СССР весьма неблагоприятно: в войну с Финляндией втягивались западные державы, возникла реальная угроза оказаться среди участников Второй мировой войны¹¹. В Москве знали и понимали, что «ухудшение советско-английских отношений ближайшим образом связано с финляндскими событиями, и чем скорее эти события будут приведены к желательному нам разрешению, тем больше шансов, что советско-английские отношения смогут пережить их нынешний кризис»¹².

В Лондоне и Париже разрабатывались планы ударов с севера на Ленинград и с юга — на Баку с последующим развитием встречного наступления на Москву. На севере одна из операций предусматривала высадку англо-французского десанта в Петсамо, его продвижение совместно с финскими войсками в направлении на Кандавакшу с тем, чтобы перерезать железную дорогу Мурманск — Ленинград. Удар с юга планировало Французское командование в Сирии и Ливане. Возглавлявший его генерал М. Вейган намеревался «сломать хребет СССР»¹³.

Великобритания, Франция и США направили в Финляндию значительные партии вооружения, Швеция и другие страны — более 11 тыс. добровольцев.

Но заверений и обещаний было больше, чем поставок вооружения. Возникли трудности и с отправкой англо-французских экспедиционных сил в Финляндию. Швеция и Норвегия уклонялись от согласия на пропуск англо-французских войск через территорию своих стран, которая могла превратиться в театр военных действий. Медлила с официальным обращением о помощи войсками и сама Финляндия. В то же время англо-французы требовали от Финляндии продолжения войны и препятствовали переговорам о достижении мира. С ухудшением обстановки на фронте в правительстве Финляндии начали раздаваться голоса, что «политика западных держав является блефом», поскольку, как отмечалось на его заседании 3 марта: «Они не помогли Польше, хотя и обещали. И Чехословакию они побудили к капитуляции»¹⁴. Успешное наступление Красной Армии и заключение с Финляндией 12 марта 1940 г. мира на советских условиях разрядили на время обстановку на северо-западных границах страны.

Финская авантюра дорого стоила англо-французским союзникам. 10 мая началось наступление вермахта на западном фронте, которое по своей силе, размаху, оперативному искусству и достигнутым результатам без преувеличения поразило мир. Не предвидело такого хода войны на западе и советское военно-политическое руководство. 22 июня, через 44 дня, Франция капитулировала. Вместе с ней под пятой вермахта оказались Дания, Норвегия, Голландия, Люксембург. Войска англо-французской коалиции на европейском континенте потерпели сокрушительное поражение. Правительство У. Черчилля отклонило германские предложения о переговорах, за которыми последовал «блиц» — немецкое воздушное наступление на Великобританию (июнь–сентябрь 1940 г.) с целью «выбомбить» её из войны. Но в «битве за Британию», 70-летие успеха которой в 2010 г. торжественно отметила страна, немецкая авиация встретила решительный отпор сил противовоздушной обороны. Благодаря действиям британской авиации, стойкости и мужеству населения Лондона и ряда других городов германские ВВС не достигли поставленной цели и понесли большие потери¹⁵. «Встретив упорное и неожиданное сопротивление и помня о Красной Армии, стоящей на юго-

восточной границе, Гитлер остановился перед Ламаншем. Вторжение на Британское острова не состоялось...»¹⁶. Но угроза такого вторжения тем не менее оставалась.

В создавшейся обстановке политика Великобритании на советском направлении приобрела новые очертания. Одним из первых сигналов было заявление министра иностранных дел Галифакса о готовности возобновить торговые переговоры. И. Майский после посещения 18 июня 1940 г. английского парламента записал в своем дневнике: «В конце сегодняшнего заседания произошла не совсем обычная демонстрация. Лейборист Джон Морган взял слово и предложил палате отметить факт прибытия [Ст.] Криппса в Москву и вступления его в исполнение обязанностей посла. Раздались шумные одобрения со всех скамей, причем депутаты повернулись лицом к дипломатической галерее, в первом ряду которой сидел я. Далее Морган выразил пожелание всякого успеха Криппсу в его новой работе. Опять раздались дружные одобрения, а Черчилль полуприподнялся с правительственной скамьи и, глядя в мою сторону, сделал приветливый жест. Другие министры последовали примеру премьера»¹⁷.

Новый британский посол С. Криппс, сторонник англо-советского сближения (он вступил в должность в конце июня 1940 г. вместо У. Сидса, отозванного в «отпуск» с началом войны с Финляндией), добился встречи со Сталиным. Предварительно Криппс передал Молотову «Записку британского посольства», в которой объяснялась причина необходимости его личной встречи со Сталиным:

«Я получил инструкции от своего правительства добиваться этого немедленного приема у Вас с тем, чтобы поставить Вас в известность, что я получил весьма важное послание от Министра-Президента Великобритании на имя г-на Сталина и мне поручено далее запросить у Вас, г. Председатель, может ли мне быть дана возможность передать в самое ближайшее время послание Министра-Президента г-ну Сталину лично ввиду того, что я не в праве передать его каким-либо другим способом.

Я, конечно, счел бы своей личной обязанностью по отношению к Вам тотчас же по налаживании передачи послания указанным мной способом сообщить Вам заранее содержание его.

Я вполне признаю, что выраженная мною просьба является крайне незаурядной, но обстоятельства нашего времени таковы, что Ми-

нистр-Президент Великобритании счел необходимым в интересах своей собственной страны и, как он полагает, также в интересах СССР избрать этот крайне исключительный путь, направленный к тому, чтобы г. Сталин и Вы имели бы перед глазами полное и откровенное изложение политики Великобритании.

Мне хотелось бы прибавить, что, на мой взгляд, было бы крайне нежелательно, чтобы дело об этом послании было как-нибудь оглашено, и я со своей стороны позабочусь о том, чтобы соблюсти об этом тайну.

Без сомнения, г. Председатель, при обсуждении способа передачи послания это будет в числе пунктов, которым Вами будет уделено внимание.

Если я получу в какое-либо время сообщение от Вас, что я могу принести с собой документы, о которых шла речь, в известное место и в известный час, то я заключу из этого, что Вы наладили передачу мной послания Министра-Президента г-ну Сталину в указанные час и место и что я буду иметь возможность предварительно, до передачи послания, ознакомить Вас с его содержанием.

Я привезу с собой оригинальное послание на английском языке, равно как сделанный без ручательства перевод его на русский язык, каковой, я надеюсь, будет вполне точным.

Я вполне понимаю, что Вы не в состоянии дать мне тотчас же ответ на мою просьбу, ибо Вам потребуется время на обсуждение таковой, но я Вас очень прошу не отказать считаться с тем, что время не терпит и что мое правительство считает передачу послания вопросом крайне срочным и важным»¹⁸.

**БЕСЕДА ГЕНЕРАЛЬНОГО
СЕКРЕТАРЯ ЦК ВКП(б)
И. В. СТАЛИНА С ПОСЛОМ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ В СССР
С. КРИППСОМ В КРЕМЛЕ
(1 июля 1940 г. извлечение)**

...Тов. Сталин начинает с частных вопросов, где говорится об отношениях между СССР и Германией, начиная с момента объявления войны. Тов. Сталин говорит, что если господин Премьер хочет знать о наших отношениях с Германией, то мы можем сообщить, что у нас нет блока с Германией на предмет войны против Англии. У нас есть только пакт о ненападении¹⁹.

Касаясь вопроса о равновесии, тов. Сталин говорит, что мы хотим изменить старое равнове-

сие в Европе, которое действовало против СССР. Как известно по результатам переговоров, англичане и французы не пошли в этом вопросе на встречу. Это послужило базой сближения СССР с Германией, которое и было проведено в тех мерах, о которых говорилось выше. Тов. Сталин замечает, что если идет вопрос о восстановлении равновесия и, в частности, установлении равновесия в отношении СССР, то мы должны сказать, что согласиться на это не можем.

Тов. Сталин высказывает мнение, что равновесие, идет ли вопрос о равновесии в Европе или в каких-либо других частях света, все равно это является очень трудной задачей для разрешения.

Переходя к третьему, последнему, вопросу о желательности установления порядка на Балканах под эгидой СССР, тов. Сталин считает долгом сказать, что СССР не имеет такого намерения. Господствовать на Балканах СССР не стремится, и такое стремление считает опрометчивым и опасным.

Далее тов. Сталин переходит к главному — господству Германии в Европе.

Тов. Сталин говорит, что он считает еще преждевременным говорить о господстве Германии в Европе. Разбить Францию — это еще не значит господствовать в Европе. Для того, чтобы господствовать в Европе, надо иметь господство на морях, а такого господства у Германии нет, да и вряд ли будет. Европа без водных путей сообщения, без колоний, без руд и сырья.

Тов. Сталин замечает, что это объективные данные, свидетельствующие, что об опасности господства в Европе еще рано говорить.

Что же касается субъективных данных о пожеланиях господства в Европе, то тов. Сталин считает долгом заявить, что при всех встречах, которые он имел с германскими представителями, он такого желания со стороны Германии — господствовать во всем мире — не замечал.

Криппс выражает удовлетворение разъяснением тов. Сталина по вопросу отношений между СССР и Германией, что дает ясное понимание позиции СССР.

В отношении вопроса о равновесии Криппс высказал мнение, что он думает, что английское правительство не считает возможным восстановление старого равновесия. Без сомнения, возникнет вопрос о том, какое должно быть равновесие. Точка зрения премьера — какое-то равновесие должно существовать, но никак не господство какой-то одной силы.

Тов. Сталин говорит, что это совершенно правильно.

Возвращаясь к вопросу о Балканах, Криппс извиняется, что он неправильно изложил этот вопрос, и разъясняет, что он имел в виду не желательность господства СССР на Балканах, а трудность установления равновесия без какой-либо большой соседней державы, дающей руководство в определенном направлении, к стабилизации отношений на Балканах, соединяя балканские страны ближе друг с другом. Криппс считает, что в этом вопросе СССР и Турция по сложившейся традиционной дружбе имеют большой интерес на Балканах и имеют возможность внести большую стабильность в существующее положение.

Криппс заявляет, что англичане чувствуют большое беспокойство в отношении существующей обстановки, т. к. у Англии есть соглашение с Турцией и возникновение какого-нибудь конфликта на Балканах вовлечет Англию в исполнение договора. Англия чувствует, что постольку, поскольку Германия испытывает недостаток в нефтепродуктах, то имеется опасность проникновения Германии на Балканы и Ближний Восток для того, чтобы получить побольше нефтепродуктов.

Криппс выражает полное согласие с тов. Сталиным по вопросу о господстве на морях и считает, что это является основным фактором, стоящим на пути между господством Германии и ее настоящим положением.

В отношении же Западной Европы Криппс считает, что, кроме Великобритании, нет больше силы, которая могла бы предотвратить германское господство.

Тов. Сталин напоминает Криппсу, что последний забыл США. Криппс отвечает, что США еще не сделали заявления о посылке каких-либо сил для помощи в Европу.

Продолжая далее, Криппс говорит, что существующая ситуация делает блокаду Германии очень важным фактором в утилизации всех возможностей для предотвращения проникновения в Германию товаров из Англии, доминионов и Америки.

Касаясь вопроса о желании Германии господствовать в Европе, Криппс говорит, что он не имел возможности встретиться с немцами и говорить с ними, но он имел возможность читать то, что они пишут. Кроме того, согласно информации, полученной от британской секретной службы, у него (Криппса) создалось прочное мнение, что

желание Гитлера одинаково как в отношении господства на Западе, так и в отношении господства на Востоке. В настоящее время Криппс читает книгу «Гитлер мне сказал», где Гитлер говорит о своих взглядах на господство в мире. Все эти высказывания о Восточной Европе повторяются в течение последней недели в Берлине Герингом.

Тов. Сталин отвечает, что он не всегда верит тому, о чем так много кричат, т. к. по опыту он знает, что если они кричат, то это лишь военная хитрость. Тов. Сталин говорит, что он не исключает, что среди национал-социалистов есть люди, которые говорят о господстве Германии во всем мире. Но, говорит тов. Сталин, я знаю, что есть в Германии неглупые люди, которые понимают, что нет у Германии сил для господства во всем мире.

Тов. Сталин говорит, что он не столь наивен, чтобы верить отдельным устным заявлениям отдельных руководителей относительно их нежелания господствовать в Европе и во всем мире. Я эти два рода объединяю в один, т. к. нельзя господствовать в Европе без господства во всем мире. Но если, говорит тов. Сталин, я продолжаю верить в нежелание основных руководителей Германии господствовать в Европе, то это я делаю, т. к. знаю, что у них нет сил для господства во всем мире.

Касаясь Балкан, тов. Сталин говорит, что требования СССР к Румынии ограничиваются теми заявлениями, которые были опубликованы. У СССР по отношению к Румынии нет никаких претензий.

Конечно, говорит тов. Сталин, не исключено, что Италия и Германия захотят обеспечить себя румынской нефтью, но, мне кажется, что Румыния сама не возражает против этого.

Тов. Сталин считает, что какая бы большая сила ни вошла на Балканы в качестве руководителя, она будет иметь все шансы на то, чтобы там запутаться.

Пользуясь случаем, Криппс задает вопрос о том, не существует ли на Балканах опасности для какой-либо страны запутаться подобным образом, если не будет какой-нибудь сильной руководящей державы. Тов. Сталин отвечает, что на Балканах можно было бы установить порядок очень легко. Привести войска и сказать: «Довольно». Но это уже будет не руководство, а настоящая оккупация. СССР же таких действий предпринимать не намерен.

Тов. Сталин переходит к вопросу о Турции.

Что можно сказать о Турции? У нас неплохие отношения с турками, но они, турки, так много играют в политике и так много выкидывают неожиданных фокусов, что трудно угадать, чего они хотят.

В отношении стремлений Италии и Германии на Ближний Восток, то тов. Сталин считает такие стремления не исключенными, но здесь многое зависит от позиции Турции. Какой прыжок и куда она его сделает, очень трудно угадать.

Криппс отвечает, что, конечно, турки прыгнут, если будет опасность для Стамбула или для дальнейшего пересмотра статус-кво на Босфоре или в Черном море. Если есть возможность для Англии сделать что-либо в направлении разрешения этого вопроса, то Англия с удовольствием сделает все возможное.

Тов. Сталин переходит к вопросу о Балканах.

Тов. Сталин говорит, что надо изучить этот вопрос. Я думаю, говорит тов. Сталин, что для Германии не имеет смысла снимать войска с Западного фронта и перебрасывать их на Балканы. В Румынии много говорят, что из-за войны на Средиземном море румынам некуда отправлять нефть. Румыны нефть продадут Германии и Италии. Поэтому едва ли есть основания отвлекать силы на Балканы.

В отношении же Турции, Стамбула и проливов. Какая же опасность может быть для Турции в этом вопросе? Может быть, это вымышленная опасность Турции, на которой последняя собирается сыграть и выкинуть новый фокус. Если же говорить не о мнимых, а о реальных опасностях, то выступление тов. Молотова²⁰ должно полностью успокоить турок. Отношения у нас с ними хорошие постольку, поскольку мы не собираемся нападать друг на друга. В отношении же последних переговоров нужно прямо сказать, что мы с турками не договорились и разошлись недовольные друг другом.

Во время своего последнего приезда, говорит тов. Сталин, Сарад-жоглу²¹ и разговаривать не хотел относительно проливов, и я думаю, что наши отношения нуждаются в улучшении. Если Великобритания имеет намерения приложить усилия, чтобы улучшить отношения, то мы возражать не будем.

Криппс отвечает, что он по этому вопросу снесется с правительством.

Переходя к вопросу о торговых переговорах, Криппс говорит, что Англия при этих переговорах должна обратить сугубое внимание на вопросы блокады Германии, но в то же время

Англия желает сделать все, чтобы доставить СССР необходимое для его экономики.

Криппс задает вопрос о том, может ли Англия считать отношения достаточно дружественными, чтобы быть уверенными в невозможности попадания английских товаров в руки врагов Англии.

Тов. Сталин отвечает, что при заключении договора СССР исходил из расчета излишков, а не имел в виду то, что СССР вообще может вывозить за границу. Как до войны, так и после нам не хватало и не хватает никеля, меди; мы совершенно не имеем сырого каучука. Олова СССР своего производства не хватает. Не хватает станков. Если англичане будут думать каждый раз, когда мы ввозим недостающие нам товары, что товары эти предназначены для Германии, то это будет неправильно, — в договоре с немцами у нас нет обязательств снабжать их цветными металлами, но, говорит тов. Сталин, я должен сказать, что мы обязаны дать немцам тот цветной металл, который необходим при выполнении наших заказов, размещенных в Германии. Для примера скажу, что недавно СССР купил у Германии недостроенный крейсер, покупаем кое-что из артиллерии, покупаем трехоски, кое-какую авиацию. На все эти вещи непременно потребуются цветные металлы. Конечно, мы не полностью обеспечиваем немцев цветными металлами, а лишь на некоторую часть.

Тов. Сталин говорит, что он откровенно должен сказать, что СССР будет снабжать немцев цветными металлами для производства продукции, предназначенной для СССР. Если бы немцы не обещали нам дать упомянутое вооружение, то мы никакого договора с ними не подписали бы, и если это обстоятельство представляет препятствие для заключения торгового соглашения между СССР и Англией, то, говорит тов. Сталин, я должен сказать, что соглашение не состоится. Короче говоря, у нас есть договор с немцами, по которому мы должны дать им часть цветных металлов для выполнения наших заказов, и так как нам самим не хватает необходимых цветных металлов, то ясно, что часть ввезенных из-за границы металлов попадет в Германию. Договор, заключенный с Германией или с кем-либо еще, мы нарушать не можем, и при переговорах англичане должны учесть указанное обстоятельство, если они считают возможным вообще учесть его.

Конечно, говорит тов. Сталин, я мог бы обещать, что ни один фунт ввозимых товаров не

попадет в Германию, но это было бы нечестное обещание, и, конечно, г. Криппсу нужно не такое обещание. Поэтому я откровенно излагаю всю правду.

Криппс отвечает, что в Англии, как и во всякой другой стране, имеются люди, подозревающие всякий вывоз за границу. Тем более существует отдел блокады, который занимается этим вопросом и использует все возможности, чтобы предотвратить поступление товаров в Германию для использования их на себя. В то же время Англия не имеет никаких намерений помешать СССР выполнять свои заказы там, где он хочет.

Криппс говорит, что хотя он и не имеет инструкций от своего правительства, но он думает, что никаких непреодолимых трудностей в переговорах не будет.

В заключение беседы Криппс обещает получить инструкции от своего

правительства и выражает надежду, что после этого весьма полезного разговора возможно будет начать переговоры с тов. Микояном, как только последний будет свободен²².

Послание У. Черчилля от 24 июня 1940 г. советскому руководству:

«Теперь, когда лицо Европы меняется с каждым часом, я хотел бы воспользоваться приемом Вами нового Посла Его Величества, чтобы поручить последнему [послу] передать Вам послание от меня.

Географически наши обе страны расположены на противоположных оконечностях Европы, и с точки зрения государственного устройства можно сказать, они олицетворяют глубоко отличающиеся друг от друга системы политической мысли. Но я надеюсь, что эти факты не должны помешать тому, чтобы отношения между нашими странами в международной сфере стали исполненными согласия и взаимно благотворными.

В прошлом — в самом недавнем прошлом — наши отношения, надо признать, были омрачены взаимными подозрениями; и в августе прошлого года советское правительство решило, что интересы Советского Союза требуют, чтобы оно прервало переговоры с нами и вступило в тесные отношения с Германией. Таким образом, Германия стала Вашим другом почти в тот же момент, когда она стала нашим врагом.

С тех пор, однако, возник новый фактор, который, как я позволяю себе думать, делает желательным восстановление обеими нашими

странами их прежних связей с тем, чтобы мы могли, в случае необходимости, консультироваться друг с другом в отношении тех дел в Европе, которые неизбежно должны интересовать нас обоих. В настоящий момент перед всей Европой, включая обе наши страны, встает проблема того, как государства и народы Европы будут реагировать на перспективу установления Германией гегемонии над континентом.

Тот факт, что обе наши страны не вполне расположены в Европе, а расположены на ее оконечностях, ставит их в особое положение. Мы располагаем лучшими возможностями по сравнению с другими, менее благоприятно расположенными странами противостоять стремлению Германии к гегемонии, и, как Вам известно, британское правительство твердо намерено использовать с этой целью свое географическое положение и свои великие ресурсы.

На деле политика Великобритании сосредоточена на достижении двух целей, а именно, во-первых, спасти себя от господства Германии, которое хочет установить нацистское правительство, и, во-вторых, освободить остальную Европу от господства, установление которого над ней Германия в настоящее время осуществляет.

Советское правительство само в состоянии судить о том, угрожает ли интересам Советского Союза нынешнее стремление Германии к гегемонии над Европой и, если так, каким образом можно лучше всего обеспечить эти интересы. Но я считаю, что кризис, который переживает сейчас Европа и даже весь мир, настолько серьезен, что он дает мне право искренне изложить Вам положение дел, как оно представляется британскому правительству. Это, я надеюсь, обеспечит то, что в любых переговорах, которые советское правительство может иметь с сэром Стаффордом Криппсом, не будет неправильного понимания политики правительства Его Величества или его готовности полностью обсудить с Советским правительством любую из громадных проблем, возникающих в результате нынешней попытки Германии осуществлять в Европе последовательными этапами методический процесс завоевания и поглощения»²³.

По итогам беседы Криппс, сообщая, что беседа длилась около трех часов и проходила в «дружеской, предельно открытой атмосфере», сделал вывод, что «русско-германское сотрудничество будет продолжаться», и выделил согласие Сталина на британское содействие в нормализации отношений с Турцией и решении проблемы черно-

морских проливов²⁴. Послание Черчилля придало ещё большую активность британской политике на советском направлении. Угроза вторжения на Британские острова, «битва за Британию», возрастающее итало-немецкое давление на Балканах, последовавшее за «зимней войной», усилили стремление Великобритании добиться сближения с СССР и, если не разрыва, то ослабления советско-германских отношений, начиная с торговли, которую, впрочем, оценивали в Форин офис как неудовлетворяющую запросы Германии. В Москве понимали всю сложность дипломатической обстановки и, чтобы избежать обострения отношений с Германией, 13 июля информировали немецкого посла Шуленбурга о содержании переговоров между Криппсом и Сталиным. 17 июля о них было объявлено в Лондоне.

В настоящее время рассекречены отечественные документы, которые представили возможность более достоверно воссоздать историю британской инициативы о заключении секретного договора между Великобританией и СССР, его содержание и порядок предполагаемого подписания.

В дневнике Майского имеется следующая запись:

«22 октября Криппс по поручению бритпра просил свидания с Молотовым по вопросу „первостепенно политической важности“. Т[ов]. Молотов, однако, не мог принять Криппса, и вместо этого Криппс посетил т. Вышинского, которому вручил особый меморандум, заключительная часть которого содержала три пункта:

- 1). Бритпра изъявило готовность признать „де-факто“ перемены в Прибалтике с тем, что „де-юре“ весь вопрос будет урегулирован позднее, вероятно после войны.
- 2). Бритпра заявляло, что готово обеспечить на базе равноправия участие СССР в послевоенном урегулировании европейских дел.
- 3). Бритпра обещало не принимать участия в каких-либо военных действиях против СССР.

Т[ов]. Вышинский обещал Криппсу доложить вопрос совпра»²⁵.

Проект договора содержал двусторонние обязательства:

- «I. Советское правительство обязуется:
- a) относиться к великобританскому правительству с проявлением в полной мере такого же благожелательного нейтралитета, какой в настоящее время соблюдается по отношению к Турции;

- б) поддерживать по отношению к Турции и Ирану благожелательный нейтралитет, в особенности на тот случай, если одна из этих стран или обе они окажутся вовлеченными в войну с одной или обеими из держав „оси“, и оказать им в их обороне содействие такими мерами, в пределах технического нейтралитета, какие советское правительство проводило поныне относительно Китая;
- в) продолжать в несокращенных размерах оказанную уже китайскому правительству помощь и поддержку означенного правительства против японской агрессии, а также воздержаться от вступления в какое-либо соглашение с Японией, которое лишило бы его возможности продолжать оказание такого содействия Китаю или которое поощрило бы Японию приступить к агрессивным действиям по отношению к каким-либо британским владениям;
- г) на тот случай, что торговое или товарообменное соглашение, предусмотренное статьей II (г), не вызовет опасной реакции со стороны держав оси или Японии, заключить с великобританским правительством, как только вслед за тем станет практически возможным, пакт о ненападении, подобный действующему ныне между Германией и СССР.
- II. Великобританское правительство со своей стороны взаимно обязуется:
- а) на случай победного заключения войны консультировать в полной мере с советским правительством наравне с другими державами, оказавшими Великобритании содействие или прямой военной помощью, или соблюдением благожелательного нейтралитета по отношению к послевоенному устройству в Европе и Азии. Такое обязательство не могло бы, конечно, наложить на великобританское правительство заранее долг выразить свое согласие с какими-либо частными взглядами советского правительства, равно как подобное обязательство, данное другой какой-либо державе, не могло бы принудить великобританское правительство согласиться со взглядами этой другой державы. Это обязательство, однако, служит ручательством, что взгляды советского правительства будут приняты полностью в соображение на базе дружеского совещания с другими заинтересованными державами;
- б) по окончании войны не организовывать или не вступать в какой-либо союз, направленный против Советского Союза, поскольку советское правительство, со своей стороны, готово воздержаться от какого-либо враждебного действия, направленного против великобританского правительства, будь это непосредственно или косвенно, посредством внутренней пропаганды;
- в) признать впредь до того, как состоится консультация, предусмотренная выше, по статье II (а), *de facto* власть Советского Союза в Эстонии, Латвии, Литве, Бессарабии, Северной Буковине и тех частях бывшего Польского государства, которые теперь находятся под Советским главенством;
- г) поставлять советскому правительству, на основании общего торгового или товарообменного договора, поскольку сделают это возможным собственные потребности великобританского правительства или предшествующие обязательства по отношению к третьим странам, имеющиеся налицо товары или оказать содействие в лице экспертов в зависимости от того, потребуются ли то или другое советскому правительству в целях защиты СССР на случай будущего нападения со стороны его соседей;
- д) гарантировать, что не будет произведена атака на территорию Советского Союза со стороны Турции или Ирана этими странами или их существующими или будущими союзниками»²⁶.
- Главное в этом документе — предложение заключить секретный договор, который бы сблизил политику двух стран. В обмен Великобритания признавала «*de facto*» «власть Советского Союза в Эстонии, Литве, Бессарабии, Северной Буковине и тех частях Польского государства, которые теперь находились под советским главенством». Академик А. О. Чубарьян оценивает заявление британского правительства от 22 октября 1940 г. как предложение Советскому Союзу осуществить пересмотр и стратегический поворот в своей внешней политике, заключив тайное соглашение с Великобританией, и таким образом добиться отхода СССР от прежних тесных отношений с Германией²⁷. При заключении подобного договора вероятность войны с Германией многократно возрастала и британские предложения были в феврале 1941 г. отклонены²⁸.
- Советской дипломатии приходилось уклоняться под тем или иным предлогом от

«кардинальных» предложений английского правительства и в то же время не допускать ухудшения отношений с Великобританией как потенциальным союзником. Несмотря на изменившееся в Европе соотношение сил в пользу Германии, британские предложения в то время были неприемлемы. В Москве рассчитывали удержать Германию от войны против СССР. 24 февраля 1941 г. в ответ на инициативу министра иностранных дел А. Идена приехать в Москву для встречи с И. Сталиным в целях улучшения англо-советских отношений заместитель наркома иностранных дел А. Вышинский сообщил Криппсу, что «сейчас ещё не настало время для решения больших вопросов»²⁹.

3 апреля Черчилль направил Сталину послание, в котором сообщил о растущей угрозе нападения Германии на СССР³⁰.

Послание Черчилля подтверждало сведения советской разведки о сосредоточении немецких войск у наших границ и могло служить поводом для письма Сталина, направленного через несколько дней Гитлеру с запросом о причинах создавшегося положения и целях этого сосредоточения войск вермахта. Советский руководитель сообщил Гитлеру о том, что у него сложилось впечатление, будто Германия готовится к нападению на СССР. В ответ Гитлер прислал «доверительное письмо», в котором сообщил, что «в Польше действительно сосредоточены крупные военные соединения, но что он, будучи уверен, что это не пойдет дальше Сталина, должен разъяснить, что сосредоточение его войск в Польше не направлено против Советского Союза, так как он намерен строго соблюдать заключенный пакт, в чем ручается своей честью главы государства»³¹.

Вскоре последовал новый импульс недоверия к английской политике. 10 мая 1941 г. произошло то, что «казалось невероятным»³²: на Британские острова прилетел Р. Гесс — заместитель Гитлера по партийному руководству. Сам управляя самолетом, Гесс приземлился на парашюте примерно в 20 милях от поместья герцога Гамильтона, известного прогерманской активностью. Прилет в Англию «нациста № 3» получил громкий международный резонанс и не мог не рассматриваться советским руководством как угроза англо-германского сговора перед нападением Германии на СССР. Основания к тому имелись. Советская разведка на протяжении многих лет сообщала о переговорах, которые велись в Лондоне и Берлине особенно актив-

но с ноября 1937 г., когда состоялась знаковая встреча Гитлера с британским министром иностранных дел лордом Галифаксом (1938–1940 гг.). После войны содержание этих переговоров прояснили изданные документы так называемого «Архива Дирксена» — немецкого посла в Лондоне в 1938–1939 гг. Полученное в Москве после прилета Гесса официальное уведомление английского правительства о решении продолжать войну с Германией не могло заслонить возникшую тревогу. 16 мая 1941 г. парламентский заместитель министра иностранных дел Р. Батлер заверил советского посла И. М. Майского в том, что «решимость правительства вести войну осталась в полной силе... Гесс остается в Англии и будет рассматриваться как военнопленный»³³. Советская разведка получала сведения о Гессе и его встречах начиная с 14 мая, и, по оценке историков разведки, это была реализация замысла нацистского руководства заключить мир с Англией накануне нападения на Советский Союз, подставив его в одиночестве под удар агрессоров. «Во всяком случае затяжка с открытием второго фронта совпадала с требованием Берлина не мешать Гитлеру вести „восточную кампанию“, пока он не победит... Не случайно английские власти надолго засекретили архивные материалы, связанные с перелетом Гесса; спустя более полувека после полета „Черной Берты“ британские власти предпочитают держать такие сведения в глубочайшей тайне»³⁴. Вокруг дела Гесса возникло множество легенд, одна из них — в Англии. Британский хирург Х. Томас, который в соответствии с порядком пребывания немецких военных преступников в тюрьме Шпандау наблюдал за состоянием Р. Гесса, убеждал автора главы, что в тюрьме Шпандау находился кто-то другой, но не Р. Гесс. Этому «двойнику» Х. Томас сделал несколько рентгеновских снимков легких, но, по его словам, «остающихся на всю жизнь» следов сквозного ранения левого легкого, полученного Р. Гессом в Первую мировую войну, не обнаружил. Х. Томас написал об этом две книги, но особенного успеха они не имели. Загадками остаются запрет Гессу во время Нюрнбергского трибунала что-либо сообщать о своем полете в Великобританию, самоубийство Гесса в тюрьме и многое другое в этой истории.

Но в обстановке 1941 г. (и не только) присутствие «под рукой» личности Гесса, встречи с ним официальных представителей правительства, включая лорда-канцлера Д. Саймона, который в 1935 г. вел переговоры с Гитлером, могли

привести к изменению английской политики, учитывая наличие влиятельных прогерманских (если не сказать пронацистских) сил в самом британском истеблишменте.

История с Гессом продолжает привлекать внимание знатоков международных отношений этого периода по обе стороны океана. Д. Робертс в своей новой книге, посвященной «маршалу советской дипломатии» В. М. Молотову, рассматривает миссию Гесса как его личную попытку заключить сделку с Великобританией. «В Москве, однако, побег Гесса расценили как наличие раскола в Германии между теми, кто выступал за войну с Советским Союзом, и теми, кто считал приоритетной войну с Великобританией»³⁵.

В США ориентации Ф. Рузвельта на поддержку СССР в случае войны с Германией, которой он следовал с середины 1930-х гг., противостояли не только оппозиция республиканцев в Конгрессе и изоляционисты в стране, но и собственный Госдепартамент. Советское посольство в США и разведка своевременно и достоверно информировали правительство о положении дел. Насколько зыбкими были расчеты на установление союзнических отношений с США, свидетельствуют опубликованные документы Госдепартамента за 1941 г. Один из них — меморандум «Политика в отношении Советского Союза в случае начала войны между Советским Союзом и Германией» от 21 июня 1941 г. Ключевое значение в меморандуме имела заключительная часть: «Мы не должны давать никаких обещаний Советскому Союзу заранее относительно помощи, которую мы могли бы оказать в случае германо-советского конфликта, и мы не должны брать на себя никаких обязательств в отношении того, какой могла бы быть наша будущая политика по отношению к Советскому Союзу или России. В частности, мы не должны участвовать ни в каких мероприятиях, которые могли бы создать впечатление, что мы действовали не в духе доброй воли, если впоследствии мы будем вынуждены отказать в признании советскому правительству в изгнании или перестать признавать советского посла в Вашингтоне в качестве дипломатического представителя России в случае, если Советский Союз потерпит поражение и советское правительство будет вынуждено покинуть страну»³⁶.

Настораживали полученные в первые месяцы 1941 г. сведения о том, что США и Англия окажут помощь СССР только при определен-

ных условиях. Один из источников сообщал, что Ф. Рузвельт в мае 1941 г. на совещании начальников штабов заявил, что если Сталин не спровоцирует нападение Германии, то США поддержат СССР, в противном случае не будут вмешиваться. Прилет Гесса в Англию крайне заострил опасения советского руководства о непоследовательности политики потенциальных союзников. Усиление на западе пропагандистской кампании о наличии у СССР «плана мировой революции» и её «ледокола» — Красной Армии, распространявшейся немецкой агентурой для оправдания предстоящего нападения на СССР, а также западной печатью и радиопропагандой, потребовали принятия чрезвычайных мер, чтобы исключить условия, которые могли бы послужить поводом для обвинения СССР в развязывании войны с Германией, оставить его один на один с агрессорами.

Видимой непоследовательностью объясняются предпринимаемые (в иных случаях и запрещаемые) в последние недели и дни перед войной некоторые меры советского руководства, направленные на повышение боеготовности войск, их выдвижение к западным границам. С учетом современных знаний о сложившейся обстановке в советско-английских и советско-американских отношениях обратим внимание на сообщение ТАСС от 13 июня 1941 г. В нем подчеркивалось, что СССР, верный своей мирной политике, «соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными»³⁷. Эта часть сообщения была адресована не только Берлину, а также Лондону и Вашингтону. В начале июля по приказанию Сталина в НКВД создали особую группу (её возглавил П. А. Судоплатов) с задачей воспрепятствовать попыткам немецких диверсантов провести в районе советской границы провокацию, подобную той, которая была осуществлена перед началом войны против Польши в 1939 г. Сталин отменил приказ командующего Киевским особым военным округом о занятии частями укрепленных районов, предполя (передовых позиций), а также аналогичные приказы в других приграничных округах; запретил полеты советской авиации в приграничной полосе (10 км от государственной границы). В то же время по его приказу был совершен облет западной границы для проверки сведений разведки о завершении подготовки вермахта к нападению на СССР,

которые подтвердились³⁸. 18 июня последовала телеграмма Генерального штаба о приведении войск приграничных округов в боевую готовность³⁹.

В первой половине июня на англо-советских переговорах произошли изменения. 13 июня 1941 г. А. Иден сообщил Майскому о готовности Великобритании оказать помощь своей авиацией на Ближнем Востоке, направить военную миссию в Москву в случае нападения Германии, и немедленно сделать об этом сообщение правительства⁴⁰.

Предложение о публикации подобных сообщений приходилось рассматривать в контексте настойчивых усилий британской дипломатии ускорить столкновение СССР с Германией. Очевидным являлось и то, что «германский рейх всеми средствами пытается спровоцировать Советский Союз на такие действия, которые дали бы возможность скомпрометировать его в глазах мировой общественности как виновника агрессии, лишить тем самым союзников в борьбе с истинными захватчиками»⁴¹. Именно в эти дни требование «не дать никакого повода для войны» было возведено в ранг одной из первостепенных задач политики и дипломатии государства⁴².

15 июня 1941 г. У. Черчилль сообщил Рузвельту о готовности Великобритании оказать России всемерную помощь в случае нападения Германии и получил поддержку Рузвельта⁴³. Но ни Черчилль, ни Рузвельт не сообщили Сталину об этом решении.

Битва за союзников была выиграна дорогой ценой. Время с 10 по 15 июня являлось, по оценкам специалистов, последним критическим рубежом, когда советские войска приграничных округов успевали, получив на то приказ, перейти в состояние боевой готовности с отобилизованием и развертыванием на театре военных действий.

Таковы некоторые страницы, по выражению Черчилля, «Большой игры», от результатов которой во многом зависели судьбы нашей страны и всего мира в разразившейся войне. Расчеты советского руководства уберечь страну от войны с нацистской Германией и её союзниками не оправдались. Но между СССР, Великобританией и США была в конечном счете достигнута договоренность о совместной борьбе против фашистской агрессии, что стало важнейшим дипломатическим прорывом того времени.

¹ По свидетельству генерала вермахта Н. Формана, ввод частей Красной Армии в восточные районы Польши помешал осуществлению задуманного в военных кругах Германии продвижения немецких войск к границам СССР (История Второй мировой войны 1939–1945. М., 1974. С. 357). Начальник Генерального штаба Сухопутных войск Германии генерал Ф. Гальдер назвал день 20 сентября 1939 г., когда в Берлине приняли решение об отводе немецких войск на согласованный рубеж, «днем позора немецкого политического руководства» (Гальдер Ф. Военный дневник: пер. с нем. Т. 1. М., 1968. С. 125). Некоторые западные историки, уклоняясь от рассмотрения немецких военных документов, называют ввод советских войск в восточные районы Польши «предательским ударом в спину». (Dilks D. Churchill and Company. Allies and Rivals in War and Peace. L. 2012. p. 173).

² Нем. Lebensraum — жизненное пространство.

³ Майский И. М. Дневник дипломата. Лондон 1934–1943. В 2 кн. Кн. 2. Ч. 1. М., 2009. С. 28–31 (далее: Майский И. Дневник дипломата).

⁴ Архив внешней политики РФ. Ф. 059. оп. 1, п. 326, д. 13, л. 4 (далее АВПРФ). См. также: Вестник Архива Президента Российской Федерации. СССР — Германия 1933–1941. М., 2009. С. 185–210.

⁵ Черчилль У. Вторая мировая война: пер. с англ. Т. 1. М., 1955. С. 496. Следует отметить, что, освещая ход предшествовавших войне советско-финских переговоров, он не указал, что взамен требуемых для защиты Ленинграда территорий СССР предлагал Финляндии вдвое большие районы Северной Карелии.

⁶ Kerillis A. Frankais, voici la vérite! New York, 1942. P. 102.

⁷ Bardoux J. Journal d'un témoin de la troisième. Paris, 1957. P. 203–204.

⁸ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война: пер. с англ. М., 1976. С. 47.

⁹ Public Record Office. Cab., 80/4. P. 294–297.

¹⁰ The Ironside Diaries 1937–1940. London, 1963. P. 190.

¹¹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. II. М., 2012. С. 354.

¹² ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 55.

¹³ Gamelin M. Servir. T. III. Paris, 1947. P. 199.

¹⁴ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. II. М., 2012. С. 363.

- ¹⁵ Потери люфтваффе в «битве за Британию» составили 1294 самолета, английской авиации — 788. The Oxford Companion to World War II. Oxford, New York, 1995. P. 158–163.
- ¹⁶ Сейерс М., Кан А. Тайная война против Советской России. М., 2012. С. 280.
- ¹⁷ Майский И. Дневник дипломата. С. 201.
- ¹⁸ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 377–378.
- ¹⁹ И. Сталин получил письмо Черчилля за полтора часа до встречи с Криппсом и ознакомился с его содержанием. — Прим. авт.
- ²⁰ Известия. 1940. 30 марта. Имеется в виду выступление В. Молотова 29 марта 1940 г. на шестой сессии Верховного Совета СССР.
- ²¹ Министр иностранных дел Турецкой Республики Ш. Сараджоглу находился с официальным визитом в СССР 25 сентября — 17 октября 1939 г. — Прим. авт.
- ²² ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 394–399.
- ²³ Там же. С. 399–400.
- ²⁴ Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. Volume I. L., 1970. P. 468–470 (далее — Woodward).
- ²⁵ Майский И. Дневник дипломата. Кн. 2. Ч. 1. С. 286.
- ²⁶ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 704–705
- ²⁷ Чубарьян А. Канун трагедии: Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 — июнь 1941 г. М., 2008. С. 389, 391.
- ²⁸ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 51–53.
- ²⁹ АВПРФ. Ф. 059, п. 353, д. 2409, л. 54.
- ³⁰ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1986. С. 442–443 (далее — Переписка).
- ³¹ Цит. по: Лота В. Увидеть красный свет // Российское военное обозрение. 2008. Июль. № 7. С. 46. Сведения о первоисточнике этой переписки отсутствуют.
- ³² Трухановский В. Черчилль. М., 2003. С. 305.
- ³³ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. С. 690.
- ³⁴ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. 1933–1941 годы. М., 1997. С. 433–440.
- ³⁵ Roberts G. Molotov. Stalin's cold warrior. Washington. 2012. P. 48.
- ³⁶ Москва — Вашингтон. Политика и дипломатия Кремля 1920–1941: сб. док-ов. Т. 3. М., 2009. С. 719–720. Подробнее о переговорах с Великобританией и США см.: Печатнов В. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М., 2006. С. 11–50; Вестник Совета безопасности Российской Федерации. 2010. № 2(8) С. 32–55; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. II. М., 2012. С. 384–392.
- ³⁷ Известия. 1941. 14 июня.
- ³⁸ Мартиросян А. 22 июня. Блицкриг предательства. От истоков до кануна. М., 2012. С. 598.
- ³⁹ О телеграмме начальника Генерального штаба 18 июня 1941 г. о приведении войск Западного особого военного округа в боевую готовность известно из материалов следственного дела на командующего округом, а затем (июнь 1941 г.) Западном фронтом генерала армии Д. Г. Павлова. См.: Ямпольский В. ...Уничтожить Россию весной 1941 г. Документы спецслужб СССР и Германии: 1937–1945. М., 2009. С. 509. Оригинал телеграммы или её копии остаются неизвестными.
- ⁴⁰ Майский И. Дневник дипломата. Т. 2. Кн. 1. С. 407–408.
- ⁴¹ Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка в подготовке германской агрессии против СССР. Март–июнь 1941 г. Документы из Центрального архива ФСБ. М., 1995. С. 17.
- ⁴² Кондрашов В. Знать все о противнике. Военные разведки СССР и фашистской Германии в годы Великой Отечественной войны с фашистской Германией (историческая хроника). М., 2010. С. 90–93.
- ⁴³ Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Edited with a commentary by Warren F. Kimball. Vol. 1. London, 1984. P. 208, 211.